

ПОЛИТИКА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПАРТИКУЛЯРИЗМА ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ В ПОДМАНДАТНОЙ СИРИИ В 1920–1946 ГОДАХ

© 2022

Товсултанов Р.А.¹, Товсултанова М.Ш.², Галимова Л.Н.³

¹Чеченский государственный университет имени А.А. Кадыева (г. Грозный, Российская Федерация)

²Чеченский государственный педагогический университет (г. Грозный, Российская Федерация)

³Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева (г. Ульяновск, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматриваются конфессиональные принципы территориального устройства Сирии в период пребывания ее в статусе французской подмандатной территории. Своему анализу авторы предпослали описание процесса установления в Сирии французской колониальной администрации, заключения англо-французского соглашения Сайкса-Пико о разделе Ближнего Востока, и в частности Большой Сирии, на сферы влияния, обусловившие современные границы ближневосточных государств. Показана инструментальная роль конфессиональных различий в борьбе французских властей в Сирии с популярной в регионе идеей панарабизма. Преимущественно по конфессиональному принципу территория Сирии была раздроблена французами на 5 регионов-государств, что, во-первых, детерминировало впоследствии утрату Дамаском контроля над Ливаном и Александреттским санджаком, а во-вторых, заложило основы для возникновения сепаратистских тенденций и будущей внутрисредиземноморской нестабильности. Однако, как показывают авторы статьи, в краткосрочной перспективе политика французских империалистов потерпела неудачу. Парижу не удалось использовать христиан для подавления восстаний друзов и суннитов. Тем не менее, после того как французы покинули территорию Сирии, наметился конфликт между крупными этноконфессиональными группами (суннитами, алавитами и друзами), последствия которого особенно остро обнажились уже в 2010-е гг.

Ключевые слова: Сирия; Франция; Большая Сирия; Ближний Восток; мандат; партикуляризм; конфессиональные группы; панарабизм; национализм; друзы; алавиты; Лига Наций; Дамаск; Александреттский санджак; Ливан; Левант.

THE POLICY OF CONFESSIONAL PARTICULARISM OF THE FRENCH AUTHORITIES IN MANDATORY SYRIA IN 1920–1946

© 2022

Tovsultanov R.A.¹, Towsultanova M.Sh.², Galimova L.N.³

¹Kadyrov Chechen State University (Grozny, Russian Federation)

²Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation)

³Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev (Ulyanovsk, Russian Federation)

Abstract. The paper discusses the confessional principles of the territorial structure of Syria during its stay in the status of a French mandated territory. The authors prefaced their analysis with a description of the process of establishing a French colonial administration in Syria, in particular, the conclusion of the Anglo-French Sykes-Picot agreement on the division of the Middle East and, in particular, Greater Syria, into spheres of influence that determined the modern borders of the Middle Eastern states. The instrumental role of confessional differences in the struggle of the French authorities in Syria with the popular idea of pan-Arabism in the region is shown. Predominantly according to the confessional principle, the territory of Syria was fragmented by the French into 5 regions-states, which, firstly, determined the subsequent loss of control by Damascus over Lebanon and the Alexandretta Sanjak, and secondly, laid the foundation for the emergence of separatist tendencies and future domestic instability. However, as the authors of the paper show in the short term, the policy of the French imperialists failed. Paris failed to use Christians to put down the Druze and Sunni uprisings. However, after the French left the territory of Syria, there was a conflict between large ethno-confessional groups (Sunnis, Alawites and Druzes), the consequences of which were especially sharply exposed already in the 2010s.

Keywords: Syria; France; Middle East; Greater Syria; mandate; particularism; confessional groups; pan-Arabism; nationalism; Druze; Alawites; League of Nations; Damascus; Sanjak of Alexandretta; Lebanon; Levant.

Около четырехсот лет территория современных Сирии, Ливана, Иордании, Палестины и Израиля составляла османскую «Большую Сирию» (по-французски: Levant, что в переводе буквально значит «восход»), в свою очередь во второй половине XIX в. подразделявшуюся на вилайеты (провинции) Алеппо, Дамаск, Бейрут, Иерусалим, а с XIX в. – и мутасаррифию Горного Ливана [1, с. 63–64].

Уже в 1915 г. во Франции сложилась точка зрения на возможность окружения Средиземного моря

собственными заморскими владениями. Западным полюсом этих владений должно было стать Марокко, а восточным полюсом – Большая Сирия, включая всю Палестину, то есть Левант [2, р. 2]. Однако к ноябрю 1915 г. между Британией и Францией была достигнута договоренность о совместном контроле над Ближним Востоком и последующем разделе его на сферы влияния после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Эти соглашения оформились в договоре Марка Сайкса и Франсуа Жорж-

Пико в мае 1916 года. Согласно им, Большая Сирия в перспективе фрагментировалась на Ливан и так называемую Малую Сирию, подконтрольные Франции, а также Трансиорданию и Палестину, зависящие уже от Великобритании. Отметим, что к этому времени в английских правящих кругах сложился консенсус о создании и еврейского национального очага в сирийской Палестине, вылившийся в «Декларацию А. Бальфура» от ноября 1917 г. [3, р. 244].

В ходе Первой мировой войны английские резиденты на Ближнем Востоке обещали передать Сирию под контроль шерифа Мекки Хусейна, стремясь его тем самым побудить к восстанию против османских властей. В начале 1916 года шериф Мекки и Медины Хусейн аль-Хашими начал подготовку для арабского восстания. Естественно, что этот арабский вождь, которому английский агент Лоуренс Аравийский обещал власть над всем Благодатным Полумесяцем, ничего не знал о договоре Сайкса-Пико [4, с. 22–23]. Несмотря на договор 1916 г., до окончания войны с Османской империей в октябре 1918 г. между Великобританией и Францией не утихали споры по поводу интерпретации и последующей реализации соглашения Сайкса-Пико [5, р. 57–58]. Так, по окончании войны в британском руководстве начался активный поиск подходящей юридической формулы, позволявшей в равной степени соблюсти популярный лозунг «самоопределения наций» и надежный контроль над отобранными у побежденных Германской и Османской империй территориями. В конечном итоге компромисс был найден в форме «мандатов Лиги Наций», обоснованной военным министром Южно-Африканского Союза Я.Х. Смэтсом в декабре 1918 г. в брошюре «Лига Наций: практические соображения». Смэтс предложил «спасительную» идею разделения мандатов на три класса и нашел подходящую формулировку, которая легла в основу статьи 22 Устава Лиги Наций. Для идеологического обоснования установления контроля в статью включили 2 параграфа, посвященных «священной миссии цивилизации» [6, с. 18]. Одновременно, выдавая мандат, предоставивший Франции контроль над территориями на Ближнем Востоке, Лига Наций предписывала ей «содействовать их прогрессивному развитию в качестве независимых государств» [7, р. 136].

Проведенные между английскими и французскими сферами влияния ровные границы носили искусственный характер, разделив не просто единый арабский народ, но даже «располовинив» традиционные места обитания бедуйских племен, курдских и алавитских кланов. Естественно, что подобные произвольные границы формировали недовольство, создавая дугу нестабильности. Одной из первых жертв новой системы отношений на Ближнем Востоке явился сын шерифа Хусейна Фейсал аль-Хашими, сыгравший ведущую роль в свержении османской власти в Леванте. Взамен оказанных им британцам услуг 11 марта 1920 г. он занял ранее обещанный ему сирийский престол. Тем временем, в апреле 1920 г. конференция в Сан-Ремо, формально признав «независимость» Сирии, предоставила мандат на нее Франции. 14 июля 1920 года первый верховный комиссар в Сирии генерал Анри Гуро выдвинул ультиматум Фейсалу, предлагая ему выбор между сотрудничеством или отречением. Понимая, что расклад сил

не в его пользу, Фейсал решил сотрудничать. Однако молодой военный министр Юсуф аль-Азма отказался подчиниться и во Франко-сирийской войне потерпел поражение от французов в Майсалуном сражении. 24 июля 1920 года в Дамаск вступили французские войска [8, с. 32].

Несмотря на победу при Майсалу, французы опасались столкнуться с общесирийским сопротивлением и видели своего основного врага в использованном ими ранее против османского владычества, панарабизме. Причины для таких опасений у них были, так как изгнанный ими из Дамаска Фейсал вскоре занял престол в Ираке, а его брат Абдалла – в Трансиордании. Правление двух родных братьев в соседних, пусть и подмандатных Великобритании, арабских государствах служило привлекательным примером для сторонников арабского единства. В связи с этим верховный комиссар Сирии генерал А. Гуро и его помощник Робер де Ке решили противопоставить идее панарабизма местный общинный партикуляризм и приложили усилия для раскола Сирии и постепенно перекаривания ее карты по своему усмотрению. Так, колониальная администрация инициировала раздел страны Сирии на пять регионов по конфессиональному признаку. Одним из них был преимущественно христианский Большой Ливан, включивший города Триполи, Бейрут, Сидон и Тир. Суннитский регион получил название Государство Сирии, с главными городами Алеппо, Хама, Хомс и Дамаск. В третью часть был выделен населенный друзьями горный регион Джебель-эль-Друз с его главным городом Суайда. Четвертой такой областью был Латакийский санджак с преобладающим алавитским населением. Пятый вновь выделенный регион – Александреттский санджак, имевший значительное турецкое меньшинство [8, с. 11]. Любопытно, что сирийские курды, численно доминирующие на северо-востоке, никакой автономии в подмандатный период так и не получили, что, на наш взгляд, объяснимо их племенным делением и сравнительной вплоть до конца 1930-х гг. слабостью местных элит.

Следующим шагом был раздел на сегменты уже собственно самой Сирии. Проводя традиционную колониальную политику «разделяй и властвуй», французская администрация фрагментировала территорию по региональному и этническому признаку. Они создали два отдельных «государства» Алеппо и Дамаск, в состав которых входили округа Хомс и Хама, два крупнейших городских центра подмандатной территории, которыми отныне управляли местные губернаторы под контролем французского советника. Поэтому ее руководство подчеркивало своеобразие двух сирийских компактных групп меньшинств алавитов и друзов и развивало в отношении их режим наибольшего благоприятствования. Их активно вовлекали в колониальные войска и продвигали по службе. Территории их расселения в 1922–1923 гг. управлялись собственными губернаторами и конгрессами [2, р. 6]. В функции этих губернаторов входили формирование годовых бюджетов, назначение должностных лиц, подача предложений в канцелярию Верховного комиссара предложений по собору налогов. Помощь губернаторам оказывали Представительные советы, рассматривавшие проекты бюджета, вопросы местного законодательства и фискаль-

ной политики. Однако и эти права и обязанности в большей степени оставались декларативными и зависели от прихоти Верховного комиссара [9, с. 43].

Отдельно необходимо сказать о Александреттском санджаке, занимавшем крайний северо-запад страны. Несмотря на то, что формально он считался частью государства Алеппо, на самом деле он имел значительную степень автономии, включая свой специальный бюджет. Помимо этого, наряду с французским и арабским языками государственным языком здесь признавался и турецкий [10, с. 26].

В 1922 г. была сформирована Сирийская федерация, в которую вошли все прежние территории так называемой Малой Сирии, кроме Джебель-Друз. Просуществовав два года, в 1924 г. Сирийская федерация была распущена. В конце 1924 года Франция определила новую административную структуру, объединив штаты Дамаск и Алеппо в отдельную единицу, названную государством Сирия. Кроме Дамаска и Алеппо, реорганизованное государство Сирия включало в себя города Хомс и Хама, другие главные городские центры в рамках мандата [6, с. 18]. Здесь важно отметить, что в социальном и экономическом плане в этих четырех штатах доминировали торговцы и землевладельцы мусульмане-сунниты, которых французские власти рассматривали как основную питательную среду арабского национализма, в котором видели опасность не только для себя, но и для христиан и неортодоксальных мусульманских общин. Главная цель всех этих административных преобразований состояла в том, чтобы, разделив Сирию на сегменты, вначале блокировать рост патриотических антиколониальных настроений, а затем создать подконтрольную местную административную элиту, заинтересованную во французском правлении.

Однако ставка французов на компрадорские круги во главе алавитов и особенно друзов не оправдала себя. Периодически имевшие место насилие и произвол со стороны мандатных властей вызвали в июле 1925 г. восстание друзов, сумевших за неделю разгромить 4-тысячный французский отряд во главе с генералом К. Мишо и полностью изгнать колонизаторов из своего региона [11, с. 45]. Восстание вынудило Париж ввести в регион дополнительные силы. Однако в августе французские силы были вновь разбиты. Предводитель друзов шейх Султан эль-Атраш требовал от французов покинуть всю территорию Сирии. Восстание перекинулось и на другие районы страны, в том числе и на Дамаск и даже в пограничные долины Ливана. Активную поддержку друзам оказывали их традиционные союзники-сунниты Южной Сирии [12, с. 57]. Попытка использовать против друзов и суннитов христианское ополчение потерпела неудачу. Более того, тысячи сирийских и ливанских христиан примкнули к повстанцам. Некоторую опору колонизаторы нашли только в лице вождей черкесской и армянской общин, которые предоставили в их распоряжение вспомогательные дружины, что вызвало ненависть к данным общинам среди арабов [13, с. 22, 26]. Для подавления восстания были применены пехота, кавалерия, танки и полевая артиллерия. В 1926 г. французам удалось локализовать восстание в отдельных регионах, но лишь в следующем году новому верховному комиссару Сирии А. де Жувенелю путем подкупа вождей племен и же-

стоких репрессий в отношении непокорных, удалось добиться умиротворения страны [14, с. 183].

По итогам восстания А. де Жувенель заявил, что лучшим средством избежать нового мощного восстания является поощрение центробежных сил и межконфессиональных разногласий [11, с. 45]. Однако в подмандатный период французам в этом направлении преуспеть не удалось. Так, большинство последователей греко-католической мелькитской церкви открыто выражало симпатии идеям сирийского и общеарабского единства, зачастую ставя национальную идентичность выше религиозной, объединявшей их с французами [9, с. 43].

Восстание вынудило французов пойти на определенные уступки населению подмандатной территории. В 1928 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, на который победил «Национальный блок», состоявший преимущественно из суннитов. В 1930 г. стране была предоставлена конституция, введена должность парламента. Тем не менее все данные демократические завоевания носили преимущественно все еще декоративный характер [8, с. 12].

Было бы неверным видеть во всех мероприятиях французской администрации один только негатив. Именно на 1920–1930-е гг. приходится процесс активной седентеризации бедуинских племен, осуществившийся путем размещения их представителей в качестве сельскохозяйственных рабочих на окраинах вновь обработанных зон, что сделало бедуинские набеги гораздо менее распространенным явлением, нежели в османский период [15, s. 51]. Параллельно французские власти соединяли города Сирии сетью железных дорог. Несмотря на то, что делалось это преимущественно в военных целях, развитие транспортных узлов привело к росту экономики на прежней периферии, в частности в населенном преимущественно курдами и армянами городе Камышлы на северо-востоке страны. К концу 1930-х гг. здесь сформировалась местная элита, добившаяся доступа к большинству административных должностей [16, p. 51]. Несмотря на начало бурного вовлечения региона в общесирийские экономические процессы, региональная элита стремилась к этнополитической обособленности, что предопределило ее конфликт с победившим на выборах 1938 г. Национальным блоком, стоявшим на позиции арабского национализма [9, с. 56–57].

В 1939 году, после двух лет торга, Франция уступила Санджак Александретты Турции в попытке добиться гарантий ее нейтралитета на случай начала войны с Германией и Италией [17, с. 229]. В ответ на инициативы Парижа по передаче Александреттского санджака турецкой стороне часть сирийских патриотических сил во главе с бывшим вождем восстания 1925–1927 гг. Абдурахманом Шахбендером активизировали движение за объединение с подмандатной Великобританией Трансиорданией [10, с. 24]. Несмотря на неудачу инициативы и скорую гибель А. Шахбендера, влияние англичан в регионе все более возрастало.

Поражение Франции в 1940-м г. предопределило усиление позиций арабских националистов. Одновременно правительство Виши передает Сирию и Ливан под контроль немецко-итальянской комиссии. На рубеже 1940–1941 гг. позиции французских колониаль-

ных властей были расколоты конфликтом между вишистами и сторонниками «Сражающейся Франции». В июне-июле британцы и сторонники Шарля де Голля провели военную операцию против вишистской администрации (операция «Экспортёр»). Однако, против ожиданий союзников, лишь 20% из всей французской армии Леванта присоединилось к «Сражающейся Франции», 25 тысяч солдат, сохранивших верность правительству Виши, было экстрадировано во Францию [18, с. 153]. Потому не удивительно, что, несмотря на то, что официально управление территориями Сирии и Ливана было передано руководству «Свободной Франции», как представителю страны мандатария, реальная власть оказалась фактически в руках британских военных сил. Англичане, пользуясь военным превосходством, старыми связями среди местных элит, и вновь созданный Совет арабской лиги пытались окончательно отеснить французов от власти. На некоторый, пусть и короткий период, Великобритания стала гегемоном практически на всем Ближнем Востоке [19, с. 128–129; 20, с. 201]. В свою очередь, не имея достаточно сил и средств для подавления разраставшегося движения арабов за независимость и пытаясь сохранить ускользающий из французских рук контроль над регионом, верховный комиссар и главнокомандующий в Леванте генерал Жорж Катру 27 сентября 1941 г. от имени Ш. де Голля официально заявил о предоставлении Сирии независимости и назначении шейха Т. Аль-Хасани президентом страны, возложив на него формирование нового правительства. В декларации подчеркивалось политическое и территориальное единство Сирийского государства, что перечеркивало все прежние административные эксперименты колониальных властей в рамках Малой Сирии [10, с. 67].

Несмотря на то, что вышеприведенная декларация Жоржа Катру, по замыслу французов, являлась лишь уловкой, чтобы утихомирить сирийцев, недовольство интеллигенции, среднего класса и широких народных слоёв продолжающимся вмешательством французских чиновников во внутренние дела Сирии привело к победе на парламентских выборах в июле 1942 г. Национального блока. После полутора лет споров и согласований между различными политическими фракциями и структурам, в январе 1944 г., сирийский парламент на своей Чрезвычайной сессии одобрил новую конституцию страны, исключив из нее статью 116, подтверждающую французский мандат над Сирией. После победы Национального блока перед новым правительством стал вопрос, что делать с созданными в период французского мандата «государствами» алавитов и друзов. В итоге они были напрямую инкорпорированы в состав унитарной Сирии. В знак уважения к их конфессиональной идентичности в правительство было введено по одному представителю от данных общин [10, с. 67, 70]. Отметим, что процесс их присоединения оказался неожиданно болезненным. Здесь, как и в курдских регионах, сформировалась собственная политическая элита, а конфессиональные различия с суннитских большинством страны, вопреки языковой и культурной общности, начали истолковываться и как этнические. Местные влиятельные кланы аль-Муршид в Латакии и аль-Атраш в Джебель-Друз потребовали

учреждения для алавитов и друзов автономных регионов, а не добившись своей цели, вступили в длительное противостояние с центральной властью. Тем не менее 17 апреля 1946 года с территории Сирии окончательно вывели французские и британские войска. Впоследствии именно эта дата была признана Днем независимости [8, с. 13]. В состав новой Сирии вошли земли прежней Большой Сирии, кроме Ливана, Палестины и отошедшего к Турции Александретского санджака, то есть так называемая Малая Сирия.

Англо-французский договор Сайкса-Пико, а позднее административно-территориальные реформы французских колониальных властей, носившие преимущественно непоследовательный и временный характер и порой продиктованные текущими интересами Парижа на сцене европейской дипломатии, дорого обошлись Сирии, в том числе и после обретения ею политической независимости. Теперь на сознание этнических и религиозных сообществ страны влияли не только традиционные конфессиональные различия и общинная сегрегация, но и память о «самостоятельном» существовании в рамках учрежденных в период французского мандата «государств», а также сформировавшееся в тот период среди суннитского большинства ощущение ущемленности и стремление к политическому реваншу, приведшее к введению жестко унитарной формы территориального устройства и к многочисленным репрессиям. Конфликтотенный потенциал, заложенный в период мандата Франции, особенно ярко проявился в 2010 гг. на фоне ослабления центральной власти и гражданской войны в Сирии.

Список литературы:

1. Жантеев Д.Р. Сирия (Аш-Шам) в системе османских владений (XVI – начало XX в.) // Исторический вестник. 2019. Т. 29. С. 50–71. DOI: 10.35549/hr.2019.2019.47852.
2. Fildis A.T. France's imperial ambitions and the establishment of the French mandate in Syria // Journal of Emerging Economies and Policy. 2018. Vol. 3, iss. 1. P. 1–8.
3. Cleveland W.L. A history of the Modern Middle East. London, New York, 2004. 624 p.
4. Бершов В.Н. Политико-экономические интересы Антанты в контексте соглашения Сайкса-Пико // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 16–25.
5. Schneer J. The Balfour declaration: the origins of the Arab-Israeli conflict. London, 2011. 432 p.
6. Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 17–36.
7. Fildis A.T. The troubles in Syria: spawned by French divide and rule // Middle East Policy. 2011. Vol. 4, iss. 18. P. 129–139. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2011.00515.x.
8. Сирийский рубеж. 2-е изд., доп. / под ред. М.Ю. Шеповаленко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 204 с.
9. Герасимов Н.Г. Сирийская арабская республика в 1963–2000-е гг.: трансформация национальной идентичности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 162 с.
10. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 391 с.
11. Бершов В.Н. Сирийское восстание 1925–1927 годов на подмандатных территориях (Сирия и Ливан): причины, ход и последствия // Ученые записки Крым-

ского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 43–51.

12. Кулагин А.А. Друзы в политической истории Сирии: борьба за независимость, интеграция и непримирение // Клио. 2011. № 8 (59). С. 57–60.

13. Сарабьев А.В. «Мандатная держава оставляет за собой лишь право руководства...»: конфессиональная политика в решении колониальных проблем Сирии и Ливана (1920-е гг.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 6. С. 18–28.

14. Кириченко В.П. Друзы Сирии и Ливана в период французского мандата (1920–1946) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2018. № 1. С. 181–186.

15. Uslu H. Political opposition against the French rule in mandate Syria: 1920–1946. Ankara, 2020. 151 s.

16. Khoury P. Syria and the French mandate: the Politics of Arab nationalism, 1920–1945. Princeton: Princeton University Press, 1987. 722 p.

17. Киреев Н.Г. История Турции: XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. 608 с.

18. Грак В.Н. Военные действия в странах Леванта и позиция Германии (июнь-июль 1941) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 6. Свердловск, 1977. С. 141–155.

19. Бершов В.Н. Решение сирийско-ливанского вопроса в Арабской Лиге в 1945 году // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сб. науч. тр. XXXVII междунар. Харакского форума (5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь). Т. 1 / под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной. Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. С. 126–129.

20. Савичева Е.М. К вопросу о соперничестве западных держав на Ближнем Востоке в контексте мировых войн и национально-освободительных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 197–204.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Товсултанов Рустам Алхазурович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории; Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (г. Грозный, Российская Федерация). E-mail: rustam-tovsultanov@mail.ru.</p> <p>Товсултанова Малика Шариповна, преподаватель кафедры иностранных языков; Чеченский государственный педагогический университет (г. Грозный, Российская Федерация). E-mail: 8979444@mail.ru.</p> <p>Галимова Лилия Надиповна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева (г. Ульяновск, Российская Федерация). E-mail: galina_200475@mail.ru.</p>	<p>Tovsultanov Rustam Alkhazurovich, candidate of historical sciences, associate professor of Modern and Contemporary History Department; Kadyrov Chechen State University (Grozny, Russian Federation). E-mail: rustam-tovsultanov@mail.ru.</p> <p>Tovsultanova Malika Sharipovna, lecturer of Foreign Languages Department; Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation). E-mail: 8979444@mail.ru.</p> <p>Galimova Lilia Nadipovna, doctor of historical sciences, associate professor, professor of Humanities and Social-Economic Disciplines Department; Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: galina_200475@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Товсултанов Р.А., Товсултанова М.Ш., Галимова Л.Н. Политика конфессионального партикуляризма французских властей в подмандатной Сирии в 1920–1946 годах // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 192–196. DOI: 10.55355/snv2022113209.